

Анаит Григорян

Неведомым богам

Анаит Григорян
Неведомым богам

«ЭКСМО»

2015

Григорян А. С.

Неведомым богам / А. С. Григорян — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-04-163631-9

«Неведомым богам» — ранний роман Анаит Григорян, в нем автор только начинает подступаться к темам истории и смерти, мифа и личности. В центре повествования — два исследователя древностей: Н. отправляется в опасную археологическую экспедицию, чтобы найти легендарный шумерский город Ирем, город высочайших колонн. Согласно преданиям, этот город был возведен потомком Немврода — чтобы сберечь прекрасную царевну, обещанную царю усопших. Анаит Григорян рассказывает историю любви и ненависти богов с таким эмоциональным накалом, словно перед нами — живые люди, а не образы на глиняных табличках. Кто-то найдет здесь отсылки к Джеймсу Роллинсу, кто-то — к Говарду Лавкрафту и Элджернону Блэквуду. А кто-то просто насладится авторским талантом созидать миф по античному образцу. Анаит Григорян является автором двух других романов. «Поселок на реке Оредеж» — остросоциальная драма в духе сюжетов «Ленты дна», о российской глубинке, многодетной семье и людях, которые изучают границы своей человечности. Второй роман — «Осьминог» — написан в духе лучших произведений японского автора Харуки Мураками: действие происходит на японском острове, где по воле судьбы застрял наш соотечественник. На остров надвигается цунами, и приходится взглянуть в глаза смерти — в буквальном смысле этого слова... Номинант премии «Большая книга».

ISBN 978-5-04-163631-9

© Григорян А. С., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Введение	7
Глава 1[3]	14
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анаит Григорян
Diis ignotis
[Неведомым богам – лат.]

*Его лицо – сумрачные небеса,
его лицо наполнено густой тенью подобно лесу.
Из заклинаний «Шурпу»*

Легендарный царь Шаддад, праправнук Немврода, решил выстроить посреди пустыни, называемой арабами Роба эль Халиех («пустое место»), на полпути из Вавилона в Барсиппу, величественный город с множеством ослепительных дворцов, роскошных садов и высокими белыми колоннами, украшенными сердоликом и топазами и устремляющимися в самое небо. Шаддад был великий мудрец и чернокнижник, он постиг тайны жизни и смерти и обладал властью заклинать духов пустыни; по его приказу демон Амаимун возвёл величественный город Ирем, равного которому не было в мире людей. Со временем Шаддад так возгордился, что перестал приносить жертвы богам, и они, разгневавшись, разрушили Ирем до основания, и песок засыпал развалины, – только белые колонны до сих пор, говорят, возвышаются в пустыне, но если человеку посчастливится увидеть их, он никогда не найдёт дороги обратно и так и сгинет, блуждая среди призраков.

Введение

Я никогда не любил авантюрных предприятий в том, что касается научной работы, и не стремился встать в ряды героев, совершающих великие открытия, а потому ограничивал свои начинания теми, чьи конечные результаты были для меня более или менее очевидны и зависели лишь от моих умений и усердия. Возможно, результаты эти покажутся кому-то скромными, да таковыми они и являются, однако всякий, кто знаком с закономерностями развития научного знания хотя бы поверхностно, признает важность и этих незначительных находок и кропотливых изысканий, которые я и подобные мне бережно собирали, чтобы ими могли воспользоваться другие, более одарённые и решительные. Я убеждён в том, что великие победы подразумевают великие поражения, великие открытия сулят великие разочарования, и в нашей области расшифровка древних записей, добытых нередко ценой жизни, вместо непостижимых тайн и откровений может обогатить человечество рецептом рыбного супа или бухгалтерским отчётом.

Что же тогда побуждает меня заняться расшифровкой именно таких записей, в которых едва ли обнаружится что-то значительное, а если и найдётся, то я вряд ли смогу должным образом их интерпретировать, поскольку предмет, к которому я приступаю, лежит в стороне от моей основной специализации? Я не покривлю душой, если в качестве причины назову чувство ответственности, которое один исследователь испытывает перед другим; в данном случае – моё чувство ответственности перед Н., пребывающей в продолжительной археологической экспедиции и препоручившей мне некоторые обнаруженные ею письменные свидетельства.

Зная пристрастие Н. к ведению исследовательских дневников, в которых строгий научный отчёт соединяется с описаниями бытовых и биографических обстоятельств, а нередко – с отвлечёнными размышлениями, я решил снабдить свои переводы биографическими дополнениями, отбросить которые в случае их ненужности не составит большого труда. Если же этим черновым записям суждено будет остаться в архиве и попасть в руки коллег, не знакомых лично ни со мной, ни с Н., эти подробности послужат им чем-то вроде «исторической справки», быть может, излишне субъективной. Обладай я писательским даром, я бы попробовал облечь свою работу в литературную форму, однако художественное творчество, столь любимое Н., никогда не привлекало меня, – более того, всегда казалось мне ребячеством, чем-то вроде поиска цветных камешков на морском берегу или ловли бабочек. Тем не менее хотя бы вкратце я должен описать ход событий, из-за которых данные материалы оказались в моём распоряжении.

Родившись в городе, за все сорок пять лет своей жизни я ни разу не покинул его, избегая даже командировок, несмотря на многочисленные предложения зарубежных университетов. Всякий раз, когда я уже собирался поддаться на уговоры и отправиться куда-нибудь на месяц-другой читать лекции, меня охватывал страх, никак не соотносившийся с уравновешенностью моей натуры, и я находил вежливый предлог для отказа. В конце концов меня оставили в покое, наделив репутацией человека замкнутого и нелюдимого, что, в общем-то, соответствует действительности, но вполне простительно учёному.

Ещё в детстве я проявил особую склонность к изучению языков, с лёгкостью усваивая новые слова и грамматические конструкции, интуитивно схватывая связи между ними и всегда безошибочно определяя общие корни, как бы сильно ни были они искажены. Следует отметить, что я никогда не рассматривал язык как средство коммуникации: во все времена на всех языках люди сообщали и сообщают друг другу примерно одно и то же, и едва ли эта информация стоит такого уж пристального внимания. Гораздо больше интересовали меня символы, с помощью которых производится запись информации куда более важной, чем та, что содержится в устной речи, ведь запись – это всегда трата чего-то более ценного, чем воздух, который можно сотрясать сколько угодно. Конечно, современные материалы, предназначенные для

записи слов, не многим дороже воздуха: уж если этого нельзя сказать о бумаге, то о виртуальных пространствах – вполне.

Отсюда следует, что дороговизна материала, предназначенного для записи текста, *определяет* ценность самого текста. Когда-то бумага была слишком дорога, чтобы писать на ней, что заблагорассудится, не говоря уже о более ранних материалах, использовавшихся задолго до появления первого бумажного листа. При всём желании трудно представить себе египтянина, составляющего на папирусе список продуктов, которые жена наказала ему принести к ужину. Свиток папируса, обожжённая глиняная табличка, а уж тем более каменная плита всем своим видом обещают поведать истории значительные и глубокомысленные, к которым неприменимы понятия «частного» и «сиюминутного». Весьма вероятно, что именно это ощущение – ощущение ценности материала, служащего опорой тексту, в сочетании с таинственным обликом самого текста, и заставляет людей испытывать к древним текстам большее, нежели к современным, доверие, искать в них «сокровенную мудрость» и ответы на всевозможные «вечные вопросы». Эти-то размышления, которым я предавался, будучи ещё совсем молодым человеком, и навели меня на мысль заняться изучением не современных, но древних, ныне забытых языков, и поступить после окончания школы на Восточный факультет университета.

В день зачисления я познакомился с Н., которая была принята на исторический; здания наших факультетов располагались неподалёку друг от друга и были разделены только небольшим внутренним двориком и узкой речкой, берега которой соединял старинный каменный мост, украшенный фигурой неизвестного святого, в правой руке сжимавшего почерневшее от частых в городе проливных дождей распятие, в трещинах которого пробивался войлок мха, а в левой, как мне тогда показалось, пальмовую ветвь. Лицо святого было сильно повреждено, так что на неровной поверхности изъеденного временем камня выделялся только бугорок носа да несколько завитков, оставшихся от прежде роскошной бороды.

Этот скромный покровитель моста стал тем предметом, на который обратила моё внимание Н., когда нас, уже первокурсников, собрали в университетском дворике выслушать приветственное слово ректора. По своему обыкновению, я стоял с краю, откуда как раз открывался вид на мост.

– Не знаешь, кто это? – раздался над самым моим ухом низкий женский голос, очень чётко выговаривавший каждое слово, как будто его обладательница желала, чтобы всё произнесённое ею как следует врезалось в память слушателя.

Я понял, что вопрос обращён ко мне и относится к статуе, но, не оборачиваясь, только пожал плечами. Незнакомка этим не удовлетворилась, и я с неприятным изумлением ощутил, что левое плечо мне властно сжали не по-девичьи твёрдые пальцы. Она потянула меня прямо к мосту. Я вдруг подумал, что она может столкнуть меня в реку, и нашёл разумным повиноваться, но при этом всё же упорно молчать, решив, что так ей скорее надоест возиться со мной и она отстанет.

– Наверняка ты думаешь, что это пальмовая ветвь, – заявила Н., когда мы оказались подле статуи. – Но это скорее писчее перо. Известно ли тебе, что символ письма – это и символ пробуждения души?

Не дожидаясь ответа, она продолжала:

– Каламус – заострённая палочка из тростника. Она символизирует высший разум, или Творца, который записывает историю мира на табличке из первичной материи и порождает, таким образом, мир форм. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Каламус, впрочем, также означает и пальму. Пальмовая ветвь – символ единения и поощрения обмена, а потому прилежный бог-писец Тхотх, или Набу, – также покровитель торговли. Так

что ты не сильно ошибался, путая перо с пальмовой ветвью, поскольку *calamus scriptorius*¹ и *calamus rotang*² – в сущности, одно и то же.

Я освободился от её руки, отступил на пару шагов и обернулся. Н. оказалась неожиданно хрупкой, с коротко стриженной рыжей головой и тонкой шеей. Представившись, она широко улыбнулась, показав два ряда мелких зубов.

В первый же день нашего знакомства Н. сообщила, что намерена стать археологом, а услышав о моём желании изучать древние системы письма, в том числе шумерскую и эламскую клинопись, горячо меня похвалила.

Удивительно, но, кроме меня, впоследствии Н. так и не приобрела в университете друзей, да и вообще оказалась замкнутой и сосредоточенной на занятиях. Общалась она исключительно с теми, кто составлял ей компанию в многочисленных походах и археологических экспедициях, в которые она нередко приглашала и меня, но я так ни разу и не решился покинуть город и обменять привычную обстановку квартиры на неудобства палатки.

На первых курсах мы постоянно виделись, если только Н. не уезжала в очередную экспедицию, обедали в университетской столовой, встречались в перерывах и после занятий, подолгу беседовали и обсуждали почерпнутое из лекций и книг. В отличие от меня, Н. всегда питала бóльшую склонность не к сугубо научной, а скорее к околонучной, почти художественной литературе, которая, по выражению Н., «мечтала и тосковала о мифе».

С течением времени Н. становилась всё более собранной и серьёзной. К моменту выпуска она заходила ко мне в основном за тем, чтобы подsunуть какой-нибудь сложный текст для перевода. Как попадали к ней все эти свитки, обрывки, кусочки глины, испещрённые подчас совершенно необычными знаками, – одному Богу известно. Я никогда не представлял себе ни круга её знакомств, ни маршрутов её путешествий. Н. рассказывала только то, во что считала нужным меня посвятить.

Окончив университет, я остался на кафедре, а Н. уехала в очередную экспедицию, и в течение пятнадцати лет о ней ничего не было слышно, так что я уже было решил, что наше общение никогда не возобновится, но она вернулась, чтобы защитить кандидатскую, которая была необходима ей для участия в очередных раскопках. Сам я к тому времени уже был доктором – узнав об этом, Н. по своему обыкновению насмешливо поздравила меня и предложила навестить нашего святого на мосту. Стояла поздняя осень, и мох, покрывавший его крест и распространившийся на одежду и исковерканное лицо, был не зелёного, но коричневато-жёлтого оттенка.

Н. совершенно не изменилась, разве что немного загорела, и на прямом и остром её носу обозначилось несколько бледных веснушек. Рассеянно пересчитывая про себя эти веснушки, я подумал, что завтра она снова уедет в такие края, куда не доберётся сигнал ни одного из устройств связи, а вернётся опять лет через пятнадцать или больше, несколько, в отличие от меня, не изменившаяся.

Н. сообщила, что намерена совершить открытие, о котором вся предшествующая археология могла только мечтать. Я, по правде сказать, растерялся – да и кто бы не растерялся, услышав подобное! – и с осторожностью поинтересовался, что же за открытие она намерена совершить.

– Я раскопаю Ирем, город высочайших колонн, – чётко выговаривая каждое слово, ответила Н. и замолчала, ожидая моей реакции.

Решив, что она шутит, я улыбнулся, но лицо Н. сохраняло более чем серьёзное выражение. Тогда я заметил ей, что Ирем, или Ирам, никогда не существовал, что это только старинное предание и ничего больше, что не могли люди, жившие за шесть-семь тысячелетий до

¹ Писчее перо (лат.).

² Ротанговая пальма (лат.).

нашей эры, то есть задолго до середины пятого тысячелетия, – эпохи древнейших поселений в Шумере, воздвигнуть посреди пустыни тысячеметровые башни из серебра и золота, украшенные топазами и сердоликом, и не могли они разбить сады, подобные садам царицы Амитис. Более чем глупо поддаваться очарованию мифов и бросаться в колодец прошлого, – добро бы для того, чтобы разбить голову об его дно, ведь такой трагический исход для исследователя означал бы только то, что дно у этого колодца всё-таки *имеется*, но бросаться в *бездонный* колодец – вот уж поистине странная затея. На это Н. сказала только, что Генрих Шлиман, следуя «указаниям» Гомера, открыл Трою, как бы ни критиковали его профессиональные археологи и всевозможные «кабинетные учёные».

– Ирем – город высочайших колонн, – Н. сжала кулак и подняла вверх левую руку, то ли угрожая небу, то ли призывая его в свидетели. – Блистательный Ирем был возведён по приказу Шаддада, праправнука великого царя и воителя Немврода. Шаддад был величайшим властителем и мудрецом, познавшим тайны трёх миров и владевшим властью заклинать демонов пустыни. Десять тысяч сыновей было у Шаддада, и были они могущественными царями, и у каждого из них было по сто тысяч воинов, и была у Шаддада дочь по имени Нани, столь прекрасная, что ей приходилось кутаться в плотное покрывало, показываясь на людях, иначе сердца людей воспламенились бы и сгорели дотла. И звезда Венера, своенравная и гордая Инанна, говорят, прятала своё лицо, едва завидев Нани, и Солнце-Уту улыбался ей и посылал к ней своих светлых гонцов, и Нибиру, небесный охотник, грезил о ней. Но так случилось, что Нани полюбил властитель царства усопших, мрачный Иркалла, и, явившись к Шаддаду, потребовал отдать красавицу ему в жёны. Что мог поделаться Шаддад? Испросил он у нетерпеливого бога семь дней на то, чтобы попрощаться с любимой дочерью, и отпустил ему Иркалла этот срок, и ни мгновением больше. Едва услышав об этом, в слезах бросилась Нани на землю и до крови раздирала ногтями прекрасные свои груди, источавшие сияние, и молила не отсылать её в подземное царство, в землю Кигаль, на поля Иалу, во владения злого Аламу, где небо из камня, и нет на нём звёзд, где вместо земли – пепел, а реки полны чёрной зловонной водой. Невыносимо было Шаддаду видеть мучения дочери, и призвал он всех своих сыновей, и приказал им привести лучших быков и овец с их обширных пастбищ, и вырыть огромную яму, и устроить на дне её костёр, и бросать в него животных. Когда всё было исполнено, люди увидели, что дым от чудовищного костра не поднимается вверх, но уходит в глубь земли. Обрадовался Шаддад, поняв, что жертва его принята, и призвал демона Амаимуна, властителя духов земли, и повелел ему возвести в центре пустыни город с неприступными стенами, которые не могла бы разрушить никакая сила, город с тысячей башен и храмов, с садами и фонтанами, город из серебра и золота, украшенный драгоценными камнями и усыпанный жемчугом. Повиновался Амаимун, и в центре пустыни, которую сегодня арабы называют Роба эль Халиех, или «пустое место», на полпути от Кадингира, Врат Богов, в Киннир, Рог Моря, возвёл он город, равного которому не было ни среди городов людей, ни среди городов богов, и нарёк его Иремом, что значит Перекрёсток Трёх Миров. На исходе седьмого дня поднялись сверкающие колонны Ирема над песками, и спрятал за его крепкими стенами Шаддад свою дочь, несравненную Нани, и закрылся за воротами Ирема сам со своими многочисленными жёнами и бесчисленными воинами, слугами и рабами. Страшно разгневался Иркалла, узнав, что его хотели обмануть, и приказал своему верному слуге Намтару наслать на жителей города шестьдесят демонов болезней, и семь дней бушевал в Иреме мор, и люди гнили живьём и падали замертво, покрытые язвами, среди неземной красоты, их окружавшей. Вечером же седьмого дня, когда колесница солнца скрылась за вершинами священных гор, явился перед повергнутым в отчаяние и ужас Шаддадом сам Иркалла и спросил: неужели думал тот, что высокие стены и крепкие ворота могут послужить преградой для самой смерти? Шаддад просил грозного бога умерить свой гнев, и пощадить город, и взять себе в жёны прекрасную Нани, и Нани была уже согласна и в том клялась Иркалле, но хозяин земли, откуда нет возврата, лишь сурово сдвинул брови в

ответ и, выхватив свой меч, с лёгкостью разрубающий любой из семи металлов, составляющих мироздание, вонзил его в землю, и в тот же миг земля расступилась, и Ирем провалился в преисподнюю; провалился вместе со всеми садами, дворцами, храмами и высокими белыми колоннами. Шаддада же и его прекрасную дочь обратил разгневанный бог в две чёрные скалы и поставил их охранять страшный провал, соединивший мир живых и мир мёртвых. Такова история Ирема.

Затея Н. показалась мне до того чудной, что я не нашёл ответа и молчал, отчего-то обиженный её стремлением покинуть город и спуститься в бездонный колодец, куда в незапамятные времена провалился её Ирем.

– Я уезжаю через месяц, всё уже почти готово, нас девять человек.

Уму непостижимо: она нашла ещё восьмерых, согласных отправиться вместе с ней в неизвестность.

– Будь десятым, – неожиданно добавила Н. – Когда мы найдём город, твои знания нам очень понадобятся.

Когда! Она даже не удосужилась употребить союз «если», так твёрдо была она убеждена в успехе. От этого её «когда» у меня закружилась голова, как будто я сам стоял на краю заброшенного колодца посреди пустыни и видел, как мелкие камешки сыпятся у меня из-под ног и, подпрыгивая, исчезают в чёрной глубине. Мне подумалось, что Н., увлечённо посвящающая меня в свои планы, едва ли сознаёт границы собственной личности, воображая себя одновременно всеми искателями приключений и исследователями, всеми генри роулинсонами и остенами лэйярдами, за многие поколения до неё отчаянно вгрызавшимися в земную твердь, чтобы извлечь оттуда статую какого-нибудь царя с курчавой бородой и неестественно широко распахнутыми глазами или глиняную лошадку на колёсиках, на которой катался ребёнок, живший многие тысячи лет назад. Из этого-то мечтательного неведения и происходило её «когда». В то время, как я стоял на твёрдых камнях моста и прекрасно понимал, кто я и какова моя скромная роль в череде тружеников науки, Н., стоявшая передо мной, едва ли могла точно назвать своё имя и дату рождения, потому как сущность её была такой же зыбкой, прозрачной и текучей, как река, тихо напевавшая и шептавшая под мостом. И она хотела, чтобы я присоединился к ней в её поисках!

Я только и смог, что отрицательно покачать головой. Н., надо отдать ей должное, не стала настаивать. Спустя месяц она уехала. Коллеги передали мне, что она заходила попрощаться и, не застав меня в университете (в тот день я заболел и остался дома, отменив лекции), заметно огорчилась. Случай этот позволяет мне добавить ещё один штрих к её портрету, вернее, к портрету исследователя, поскольку личные качества определяют научную деятельность и значительность открытий учёного не в меньшей, а то и в большей мере, нежели характер писателя определяет тематику и стиль его произведений, а характер художника – своеобразие его картин. В университетские годы я видел Н. расстроенной всего дважды, и оба раза её огорчение было связано с безуспешностью попыток решить какую-нибудь историческую загадку; в то же время на житейские мелочи, болезни и всё в таком роде она не обращала ни малейшего внимания. Придя попрощаться, Н. расстроилась вовсе не потому, что ей не удалось повидаться со мной, – очевидно, она хотела ещё раз попробовать уговорить меня отправиться с ней на поиски мифического города.

Через семь лет после её отъезда мне доставили почтовый пакет с иракскими штампами, подписанный таким же чётким, как её речь, похожим на чертёжный шрифт почерком Н. В растерянности смотрел я на буквы, вдавленные в мягкую коричневую бумагу так глубоко, словно писавший пользовался не шариковой ручкой, а заострённой тростниковой палочкой. Обратного адреса на пакете не было. Вскрыв его, я обнаружил около сотни фотографий, сделанных с глиняных табличек, испещрённых знаками, похожими на первый взгляд на ранне-

шумерскую клинопись (впоследствии выяснилось, что это предварительное заключение было ошибочным).

Значит, что-то Н. всё-таки нашла. Но отчего – ни одного пояснения после семи лет молчания? Или она была уверена, что все необходимые сведения содержатся в присланных ею фотографиях, лишённых даже примечаний относительно места обнаружения табличек, с которых они были сделаны? Однако Н. едва ли могла разобрать эти записи, да и спутники её, по всей видимости, тоже, иначе она не стала бы обращаться ко мне. К тому же я не мог найти объяснения отсутствию обратного адреса. На всякий случай я встряхнул уже пустой пакет, но из него высыпалось только несколько песчинок, тускло блеснувших в свете настольной лампы. Ничего.

Примерно через два месяца, за которые я не нашёл свободного времени для ознакомления с содержимым пакета, пришёл еще один, также подписанный Н. и также без обратного адреса, вмещавший очередную порцию фотографий, а в течение следующего года доставили ещё два. Надо сказать, что, пока Н. гонялась за своими фантазиями по Аравийской пустыне, я увлечённо занимался египтологией, на которой остановил свой выбор ещё в годы учёбы, читал лекции студентам и перебирал пыльные архивы, написал не один десяток статей, посвящённых судебному делопроизводству в Древнем Египте, пару монографий, получил звание профессора и переболел ангиной, стоившей мне нёбных миндалин.

«Блистательный Ирем был возведён по приказу Шаддада, праправнука великого царя и воителя Немврода». Нужно было обладать то ли нечеловеческой глупостью, то ли нечеловеческой отвагой, а скорее всего, и тем и другим, чтобы пересечь полмира ради этих слов, не подкреплённых ни одним научно доказанным фактом. Согласно библейскому тексту, Нимрод – легендарный строитель Мигдаль Бавель – Вавилонской башни, сын Хуша, внук Хама, праправнук Ноя, правивший в конце третьего тысячелетия до нашей эры. Здесь определённо присутствует некоторая путаница: будь Шаддад действительно праправнуком легендарного Нимрода, он не мог бы жить раньше третьего тысячелетия до нашей эры, в то время как Ирем, даже если гипотетически допустить его существование, был построен на несколько тысячелетий раньше. Впрочем, миф произвольно играет со временем, смешивая прошлое с ещё более далёким прошлым; годы и тысячелетия ничего не значат для мифа, и все наши попытки проникнуть в историю и датировать события, случившиеся в так называемые «незапамятные времена», или, как говорили древние египтяне, «в дни Сета», обречены на неуспех.

Разве не был Вавилон стёрт с лица земли ассирийским царём Синаххерибом, приказавшим направить на улицы города освобождённые воды Евфрата? В записях сохранилось упоминание о 689 году до нашей эры, если мы, конечно, верно их трактуем. Сын Синаххериба Асархаддон восстановил Вавилон и выстроил грандиозный зиккурат, который, согласно некоторым толкованиям, и стал «той самой» библейской Вавилонской башней. В таком случае, предок Шаддада, которого звали вовсе не Немвродом, а Асархаддоном, жил всего лишь в первом тысячелетии до нашей эры, что кажется совершенно невозможным, если, конечно, не принять за аксиому постоянную повторяемость мифологической «истории», в свете которой устроенный Синаххерибом потоп должен быть лишь *отождествлён* с великим потопом, самой ранней установленной ипостасью которого было сильнейшее наводнение, обрушившееся на города Междуречья где-то около 2900 года до нашей эры, а зиккурат Асархаддона – с нимродовой Мигдаль Бавель. Иными словами, каждый новый правитель был не столько самим собой, сколько своим легендарным предшественником и, ассоциируя себя с ним, упрочивал свой авторитет в глазах подданных. В этом случае неудивительным кажется и тот факт, что цари древности правили кто по шестьсот, а кто по тысяче лет, – для одного человека этот срок кажется немыслимым, но для человека, являющегося одним из звеньев уходящей в прошлое и протянувшейся в будущее цепи, он вполне естественен.

Возводя свою башню, Асархаддон отождествлял себя с правившим бог знает когда Нимродом / Немвродом, и его мечтательное заблуждение послужило поводом для обновления полузабытой легенды. Нимрод – «тот самый» Нимрод, мог жить когда угодно, потому как с его времени жило, правило, занималось грандиозными завоеваниями и не менее грандиозным строительством бесчисленное множество потомков, вполне возможно, не связанных с «тем самым» Нимродом кровными узами. Среди этих «потомков» был, к примеру, Навуходоносор II, выстроивший в шестом веке до нашей эры семиступенчатый храм Этеменанки, поразивший своими чудовищными размерами Геродота, принявшего храм за «ту самую» Вавилонскую башню.

В таком случае, Шаддад, который возвёл Ирем при содействии Амаимуна, могущественного демона пустыни, был попросту отщепенцем, паршивой овцой в нескончаемой череде нимродовых «потомков», с завидным упорством возводивших, перестраивавших и подновлявших всего-навсего какую-то башню, страдавшую то от дождя и ветра, то от нашествий воинственных соседей. Шаддад задался целью нарушить стройность повторяющегося с неустойчивой периодичностью мифа и устроить посреди пустыни райский сад, невиданной красоты город, которому надлежало стать предметом нового мифа, спорящего с мифом о достигающей неба исполинской башне и в конце концов заменяющего последний. За это-то своеволие Шаддад в конце концов и поплатился, – несомненно, в большей степени, чем за отказ отдать свою дочь богу смерти.

*Октябрь 20** г.*

Глава 1³

Язык текстов, которые прислала мне Н., представляет собой причудливую, ранее никогда не встречавшуюся мне смесь из языков древнего Междуречья. Н. сказала бы, что это неудивительно, ведь таблички появились задолго до вавилонского столпотворения, а значит, надписи на них сделаны на универсальном языке, впоследствии распавшемся на множество наречий, говорящие на которых не могут понять друг друга. Меня такое объяснение не устраивает, и, полагая, относительно этого следует проконсультироваться у специалистов.

Тот, кто знает, зачем ему это скрывать? Тому, кто владеет истиной, к чему молчать? Всякому, кто спросит меня – «Знаешь ли об этом?», отвечу: «Знаю доподлинно». Я, Иль⁴, записал, дабы ты прочёл и знал известное мне и владел, подобно мне, Илю, истиной.

В незапамятные времена среди богов не было никого сильнее Бэла, властелина земли, любимого сына бога неба, рогатого Ану. За что бы он ни взялся – всё ему удаётся, за какое бы дело ни принялся – спорится дело в его умелых руках. В одиночку выровняет обширное поле мотыгой, в одиночку обработает его бороной, вспашет плугом, разровняет граблями, разобьёт, не утерев пота со лба, молотом комья земли, засеет и соберёт урожай, и сам же обмолотит зерно, – таков Бэл, нет ему равных среди богов.

Призвал однажды Бэла великий Ану к себе в небесный чертог и говорил ему так:

– Возлюбленный сын мой, не для того позвал я тебя, чтобы вести с тобой пустые беседы, не для того, чтобы развлечь себя разговором, но для того, чтобы рассказать тебе о печали, что давно уже не даёт мне покоя. С тех пор как земля отделилась от неба, с тех пор как родились первые боги, многое изменилось в мире, потому как боги устраивали его постепенно и сообразно своим потребностям, устраивали с умом и расчётом, так, чтобы был им мир достойным домом: создали реки и горы, и бескрайние степи, и бросили в землю семена разных растений, и мудрый Энки слепил из ила рыб, что плавают в солёных и пресных водах, я же из глины вылепил животных, что населяют землю, и птиц, парящих в небе. Однако, хоть кишат моря и реки рыбой, хоть не счесть на земле животных, а птиц – в небе, всё же боги остаются в своём величии одиноки, и нет среди их созданий тех, кто был бы им равен, кто владел бы их речью, кто мог бы рассуждать и мыслить, а не только жить и плодиться. Нет среди наших творений тех, кто был бы нам верными слугами и помощниками, хлебопеками и кравчими. Даже мудрому Энки не удалось вылепить их из ила, взятого со дна океана Абсу: лишь подобие жизни теплилось в его созданиях, но не могли они ни сидеть, ни стоять, ни выговорить слова, потому как сущность их была зыбкой и водянистой, и не в силах была скрепить её даже воля властителя бездны. Я призвал тебя, сын мой, потому как ты среди богов всех сильнее и всякое ремесло тебе под силу, потому как ты среди нас ближний к земле и твоим рукам послушна всякая глина. Изготовь, Бэл, из глины или земли, или из иного материала фигурки, чтобы одна была богу подобна, другая – богине, оживи их словом, научи всяким ремёслам, обучи их речи, письму и чтению, чтобы были они не только лишь внешне, но и в сущности с нами сходны, чтобы были нам надёжным подспорьем.

<разбито около десяти строк>

...взял самой лучшей глины, принялся лепить из неё фигурки, богам подобные своим видом. Умелые руки у Бэла – ладные получились у него фигурки, дивятся, глядя на них, боги, хвалят их статные тела и красивые лица, да вот только не могут создания Бэла, наделённые

³ Предварительно я решил разделить свою работу на условные главы в соответствии с конвертами, которые присылала мне Н.

⁴ Указание имени писца не характерно для столь древнего текста; древняя литература практически сплошь безымянна.

жизненной силой, вымолвить слова, не умеют вести речи, тростниковую палочку не удержать им в пальцах, и не больше в них разумея, чем в зверях и птицах, чем в рыбах и насекомых. Огорчился Бэл, забрал у них жизненную силу, разбил глиняные тела, смешал с прахом.

– Нет, – сказал, – так задуманного мне не достигнуть, не получатся у меня создания, которые были бы богам подобны, возвысились бы над прочими, кто наделён только жизнью, но лишён разумея. Чтобы словом владеть, чтобы уметь вести речи и искусством письма овладеть в совершенстве, мало быть слепленным из лучшей глины, мало обладать жизненной силой. Приказание Ану мне так не исполнить, не сдержать своего обещания, данного небесному владыке, а о том, как мне исполнить отца повеленье, как сдержать данную перед всеми клятву, не знаю, ничего на ум не приходит, не у кого спросить совета. Я отправился бы к мудрому Энки, погрузился бы в бездонные воды Абсу, да ведь и Энки не сумел слепить из липкого ила разумных созданий, а другие подавно не знают, как подступиться к делу.

Опечалился Бэл, в раздумьях бродит он по пустыне, меряет шагами степи, блуждает по горным тропам, не боясь оступиться, заходит в самую гущу леса. Хотел он вырезать тех, кто был бы богам подобен, из дерева, хотел высечь из камня – одна лучше другой выходят у него фигурки, да только разумея в них не больше, чем в прежних, и отнимает Бэл у них жизненную силу, данную им в избытке, без жалости пополам ломает, на куски разбивает. Всё перепробовал Бэл: нет того дерева, нет того камня, которых бы он не подверг испытанию. До самого края мира дошёл он, до западной его границы, где река, опоясывающая семижды по семь раз сушу, уходит в подземное царство.

<разбито пять строк>

– Скажи мне, кто ты, назови своё имя, расскажи, почему ты сидишь у входа в землю Кигаль, откуда никому нет возврата, к которому страшатся подступиться всемогущие боги?

– Моё имя – Нани, я его не скрываю, а здесь я потому, что мой друг и господин приказал мне встретить тебя, Бэл, владыка земли.

Удивился Бэл такому ответу, говорил:

– Раз ты знаешь моё имя, то известна тебе и моя забота и ты знаешь, что ищу я, из чего бы мне изготовить созданий, во всём богам подобных, которые были бы нам во всех делах верным подспорьем. Быть может, тебе известно, где отыскать мне нужную глину, в каких краях срубить мне подходящее дерево, где добыть мне пригодного для работы камня?

– И это я знаю, и мне это известно, и скажу тебе: нет в мире подходящей глины, нет такого дерева или камня, из которых ты смог бы изготовить этих созданий, сколько бы ты ни старался, как бы ни было велико твоё мастерство гончара и резчика, потому как не в материале дело – хоть из теста слепи фигурки, хоть из приречной грязи – всё будет выходить одно и то же, сколько ни дай ты им жизненной силы, сколько ни пытайся внушить божественную премудрость, – ничего не добьёшься. Чтобы было твоё создание богам подобно, высокую придётся заплатить тебе цену, и лучше бы тебе не знать ответа, отказаться от своей затеи.

Рассердился Бэл, воскликнул:

– Как же мне отказаться от своей затеи, если перед всеми я принёс клятву?! Я позором покрою своё имя, если не сдержу обещания! Если знаешь ответ на вопрос – отвечай, каков бы он ни был, какую ни назначишь цену, – Бэл готов заплатить её без раздумий!

– Хорошо, – говорила Бэлу Нани. – Если так – я отвечу, потому как говорил мне мой друг и господин, что ты не отступишься, не повернёшь обратно, будешь настойчиво требовать ответа, каков бы он ни был. Он сказал: если хочешь создать тех, кто будет богам подобен, мало взять лучшей глины, мало дать своему творению в избытке жизненной силы – свою кровь, всю без остатка, ты должен отдать за это, своей жизнью придётся тебе заплатить за исполнение клятвы. Говорю тебе, Бэл, если хочешь своего добиться – войди в реку, что вниз стремится свои воды, отправься на поля Аламу, в дом мрачного Нергала, своего старшего брата, и проси его отрубить тебе голову, отделить её от твоего тела, чтобы твоя кровь пролилась вся без остатка

на бесплодную землю, пропитала серую глину, сделала её красной, чтобы вязким сделался пепел, чтобы песок превратился в плодородную почву, чтобы родились из земли твои создания, подобно колосьям, что вырастают из зёрен, чтобы, подобно траве, они сквозь почву пробились. Только так, рассказывал мой друг и господин, ты сможешь сдержать обещание, не руками – волей создав человека.

Ни мгновения не колебался Бэл, услышав совет: сбросил с себя накидку, снял с ног сандалии, на берегу реки оставил, сам же вошёл в бурлящие воды, дал течению унести себя в пропасть, в самую преисподнюю...

<разбито более сорока строк>

– Возьми свой меч, что разрубает все семь металлов, из которых состоит мироздание, и отдели мою голову от тела, возьми свой меч и одним ударом отсеки мою голову, чтобы кровь горячим потоком хлынула на сухую землю, чтобы песок превратился в плодородную почву, чтобы красной стала серая глина, чтобы жизнь восстала из праха, – говорил Бэл Иркалле, своему старшему брату. – Пусть поднимутся из глины совершенные создания, богам подобные статью и разумением, пусть, подобно траве, пробьются они из земли, выпрямятся, подобно колосьям.

Нахмурился Иркалла, отвечал Бэлу:

– Что ж, отговаривать я тебя не стану; раз ты ко мне явился, раз обращаешься ко мне с такой просьбой – значит, ничто не поколеблет твоего решения. Я сделаю так, как ты просишь, и твоя кровь вся без остатка впитается в землю и сделает серую глину красной, и из глины выйдут те, кто во всём богам подобен, выйдут мужчина и женщина, прорастут из праха, подобно брошенным в поле зёрнам, и поднимутся из преисподней в мир, который ты оставил, и населят его на радость Ану и ему же на горе, потому как из-за своей прихоти сотворить человека он лишится любимого сына. Только знай, Бэл: выйдя раз из нижнего мира, человек в нижний мир возвратится, родившийся из мёртвой глины – мёртвой глиной однажды станет...

<утрачено окончание истории>

Неужели фантазии Н. в действительности были здравым рассуждением талантливого исследователя? Конверт содержит ещё два текста, относящихся, по всей видимости, к тому же мифологическому циклу, что и первый.

Тот, кто знает, зачем ему это скрывать? Тому, кто владеет истиной, к чему молчать? Всякому, кто спросит меня – «Знаешь ли об этом?», отвечу: «Знаю доподлинно». Я, Иль, записал, дабы ты прочёл и знал известное мне и владел, подобно мне, Илю, истиной.

В прежние времена Тиу и Этимму, демоны лихорадки и мора, да одноглазая ведьма Лабарту уводили людей в царство мёртвых только по ночам, когда Уту завершал своё странствие по небу и скрывался на западе, на востоке же показывался серебряный чёлн синевородого Сина. Так было им привычнее и сподручнее, ведь в их обиталище не проникает ни единого проблеска света, а ночью тьма пусть не совершенна и пронизана лучами множества звёзд, что походят на мирно пасущихся небесных овец, и планет, что походят на идущих по небосводу светозарных баранов, всё же ночь – это ночь, и предметы ночью расплывчаты и лишены красок, и только день придаёт им чёткость форм и яркость цветов. Ночь, напротив, стирает границы и погружает мир в бесформенность, и это приятно и радостно исчадиям преисподней, а потому они любят ночь и презирают день.

Потому, говорю я, был открыт путь в дом праха лишь ночью, и ночью демоны свободно бродили по земле и собирали души умерших, и ночью стоял над миром неумолчный плач, и живые провожали мёртвых <несколько слов неразборчиво> И каждую ночь смотрел из своего серебряного чёлна на залитую слезами землю Син, и невыносимо было видеть ему творящееся

перед его глазами, и решил он сам спуститься в мир Кигаль, во владения Иркаллы, и просить, чтобы избавил его повелитель теней от еженощной муки.

Вот явился Син в мир Кигаль, и стал искать Иркаллу, и звать его, и нашёл мрачного бога в его саду. Подивился Син саду Иркаллы, потому как огромен тот сад и густо засажен плодовыми и всякими другими деревьями, и растут те деревья не так, как на земле: могучие корни их уходят в каменное небо преисподней, кроны же обращены вниз, и нет на тех кронах зелёных листьев, а только диковинные плоды отягощают их, но не могут они утолить ничьей жажды и ничьего голода: из чистых серебра и золота их кожура, и драгоценными камнями наполнена их сердцевина. Если человеку случается добыть такой плод из-под земли, навсегда забывает он про нужду, и не знают нужды ни его сыновья, ни сыновья его сыновей. Однако чаще бывает так, что подземное сокровище приносит нашедшему не благословение, но проклятие, и уводит его за собою до срока в обитель усопших.

Дивился Син сияющим плодам, но ещё больше дивился он чёрным и белым цветам, ковром устилавшим перед ним землю. Чудесный аромат источают цветы, что растут в саду бога смерти, но горе тому, кто вдохнёт его, – навеки забудет он своё имя, и имена своего отца и своей матери, и имена своих детей. Выются над цветами мохнатые пчёлы – бесшумен их полёт; трудолюбиво собирают они ядовитый нектар, чтобы сгустить его в горький мёд и принести тот мёд владычице подземной страны, рыжеволосой царице Эрешкигаль. Говорят, если воин помажет тем мёдом рану, она затянется, если же женщина помажет им своё лицо, то до самой старости останется прекрасной, и потому женщины тайком молятся царице Эрешкигаль и приносят ей щедрые дары, и ставят на её алтарь кислое молоко и козий сыр, и тем, кто особенно ей угоден, удаётся выпросить каплю-другую горького мёда, и наносят они тот мёд на свои лица, и становятся прекрасны, но никакого мужчину не может прельстить их преисподняя красота, и до самой старости остаются они одинокими. Говорят также, что Иркалла, однажды рассердившись на свою жену за то, что она потакает глупым желаниям смертных женщин, приказал пчёлам преследовать и жалить её, так что всё тело и лицо Эрешкигаль покрылись нарывами, и долго не могла она выйти из своего лазурного дворца: лечила нарывы и ждала, пока сойдут струпья.

Когда явился Син в землю Кигаль и пришёл в сад Иркаллы, увидел он хозяина пустынных земель, который обрезал инструментом гишпу деревья и собирал с них серебряные и золотые плоды и складывал их в сосуд из обожжённой глины. Волосы свои подвязал Иркалла красивой тесьмой, что сплела ему царица Эрешкигаль, и оголил свои руки, чтобы не замарать белых своих погребальных одежд, и был задумчив и погружён в свою работу, так что как будто не заметил Сина и не видел его, и не спрашивал, зачем тот явился. И тогда набрался смелости бог луны и окликнул повелителя царства мёртвых, и обратил на него Иркалла свой взор, от которого задрожал Син и повалился наземь.

– Для чего ты тревожишь меня в моём доме, отвлекаешь меня от моего дела, что приносит мне спокойствие и умиротворение? Отвечай, зачем покинул ты небо и спустился в мои владения, откуда нет возврата смертным, да и богам, если я того пожелаю? Или надоело тебе светить путникам, заблудившимся в ночной темноте? Или не желаешь ты больше обнимать своими лучами влюблённых, которые предпочитают тебя твоему слишком горячему брату? Разве не знаешь ты, что я не люблю пустых разговоров и прекраснословных бесед, которыми мои братья и сёстры привыкли развлекать друг друга?

Испугался Син, но нашёл в себе силы ответить грозному богу и говорил так:

– Прости меня, Эн-Уру-Гал, мудрейший из богов, за то, что потревожил я тебя в твоём доме и отвлёк тебя от твоего умиротворяющего занятия. Нет, не надоело мне светить путникам и выводить их на верную дорогу в ночной темноте, не надоело мне обнимать моими лучами влюблённых, которые только и ждут, когда Уту уведёт с небес свою огненную колесницу. Не для того я пришёл к тебе, чтобы докучать тебе праздными и пустыми разговорами, но для того,

чтобы просить и умолять тебя о помощи и снисхождении, ибо только ты можешь помочь мне в моей беде, и бессмысленно и бесполезно обращаться мне к братьям и сёстрам, которые только и знают, что петь да веселиться при свете дня, да почивать ночью.

И рассказал Син о своей беде, и поведал, что не может он больше смотреть, как демоны земли Кигаль еженощно уводят за собой смертных, ибо предпочитают они бесформенность ночи ясности дня, и нет больше у него сил слушать плач и стоны, раздающиеся с вечера до раннего утра.

– Пусть не только ночью, но и днём уходят те, кому суждено уйти, – говорил Син. – Пусть огненный брат мой разделит со мной мою печаль, ведь несправедливо, что он видит только радостное, творящееся на земле, мне же достаются одни несчастья и горести. Скажи, Иркалла, разве это справедливо?

Задумался Иркалла, и невеселы были его мысли, ибо ему, как и его подданным, тьма ночи была милее суматохи и яркости дня. Говорят, однажды день так расшумелся, что у Иркаллы разболелась голова, и тогда приказал он тысячеголовому змею Нингхицхидде поглотить солнце, и поднялся змей к небу и бился с Уту, и в конце концов обхватил его вместе с его круглой колесницей и огненным быком, что тащит её за собою, своими лапами и обвил своим телом, и закрыл своими крыльями. Так держал Нингхицхидда солнце, пока у повелителя его не перестала болеть голова и он не разрешил отпустить Уту и его колесницу и вернуться в преисподнюю. С тех пор, когда богу смерти нездоровится, Нингхицхидда покидает свою пещеру под землёй и поднимается к небу, и обвивает телом и обхватывает крыльями небесное светило, будь то солнце или луна, и случается солнечное или лунное затмение, и весь мир погружается во мрак и тишину.

Потому неприятны были Нергалу слова младшего брата, и не хотелось ему ночью и днём вести счёт душам умерших и записывать их имена в таблицу мёртвых, однако просьба Сина показалась ему всё же справедливой, и, подумав, отвечал он так:

– Что ж, я понимаю причину твоего огорчения и удовлетворю твою просьбу. Отныне не только ночью, но и днём будут уходить те, кому суждено уйти, и тебе не придётся видеть только горести, а твоему огненному брату – одни только радости. Пусть радостей и горестей будет поровну между ночью и днём, если таково твоё желание. Однако за то, что ты явился ко мне незванным и нарушил моё спокойствие, я примерно накажу тебя.

С этими словами схватил Иркалла инструмент гишпу, которым подравнивал до того ветви деревьев, и несколько раз ударил Сина по лицу рукояткой...

Далее текст прерывается; на одной из фотографий виден отбитый край таблички, но, сколько я ни перебирал содержимое первого конверта, мне так и не удалось обнаружить ничего похожего на продолжение – возможно, я найду его в других письмах Н. Впрочем, нетрудно догадаться, что после столь дружелюбного приёма в царстве мёртвых лицо несчастного Сина покрылось синяками и кровоподтёками, которыми должны объясняться тёмные пятна на лунной поверхности. Однако своего бог луны всё же добился, и люди стали умирать в любое время суток, а не только ночью, – таким образом, между ночью и днём установилось некоторое равновесие и даже гармония, особенно если учесть, что раньше день был наполнен не только радостями, но и зловещим предчувствием ночи. Иными словами, выполнение просьбы Сина придало смерти успокоительную неопределённость.

Н., очевидно, обнаружила собрание ранее не известных мифологических текстов, по крайней мере часть из которых посвящена богу смерти – не самому популярному среди людей божеству, получающему жертвенные дары лишь благодаря внушаемому им страху, а вовсе не из-за любви и симпатии. Известно, что у Нергала и его жены Эрешкигаль имелся свой центр поклонения в аккадском городе Гудуа, или Куту, располагавшемся на северо-востоке от Кадин-

гира, но мифов, которые содержали бы сведения о его характере и привычках, практически не сохранилось.

Н. всегда проявляла к этому сумрачному божеству особенный интерес и утверждала, что Ирем был первым центром его культа, что не вяжется с историей разрушения города, которую она рассказала мне незадолго до своего отъезда. С другой стороны, один и тот же миф вполне мог существовать в разных, даже полностью противоречащих друг другу вариантах. Мне едва ли удастся восстановить все истории; уже теперь ясно, что многие их части безвозвратно утрачены, другие же перепутаны до такой степени, что представить их порядок и отношения едва ли возможно.

И всё же, глядя на россыпь фотографий на письменном столе, я невольно думаю о том, что порой руины могут быть прекраснее любого самого завершенного произведения искусства, принадлежащего современности. Законченность линий, чёткость узора, отполированная поверхность материала, лишённая трещин и сколов – всё это столь же красиво, сколь и бесполезно для воображения, – ему куда милее какая-нибудь статуя с отбитыми руками или страница древнего фолианта, на которую нерадивый переписчик уронил каплю чернил, потому как в расколотом, разрозненном и утраченном оно находит источник пищи. Однажды, делаясь своими соображениями относительно нашей науки, Н. заметила, что история мира – это нечто вроде множества покрытых скудной растительностью островов, разбросанных по океану, между которыми фантазия выстраивает мосты самых причудливых конструкций.

Очередная история начинается стандартным приветствием писца, утверждающего, что он намерен поведать читателю «истину», далее – несколько (от десяти до пятнадцати) сильно повреждённых строк, после которых с середины предложения продолжается текст мифа:

...сушёную и истолчённую в пыль водяную змею, и корень растения амамашумкаскаль, и растёртые семена овоща нигнагар, и размолотые листья нимги и растения нарина, и пихтовую золу, и помёт летучей мыши гариб, и каплю горького мёда, собранного пчёлами царицы Эрешкигаль, и размешал всё это в пиве, сваренном госпожой Нинкаси, и покрыл лекарством его обожжённую грудь, и вскоре очнулся Амар-Уту и увидел, что попал в страну Кигаль, в царство смерти, но велико было его удивление, когда ошупал он свои руки и ноги и дотронулся до своего лица и понял, что они не покрыты серыми перьями, подобно душам усопших, и ещё больше удивился Амар-Уту, увидев, что склонился над ним тысячерукий и безглазый Намтар, распорядитель судеб.

– Долго же мне пришлось дожидаться, когда ты проснёшься, – сказал Намтар. – Страшна была твоя рана, и уж думал я, что лучше оборвать нить твоей жизни, – больно она истончилась и сама едва не разорвалась в моих ловких пальцах, но я, великий умелец, скрутил и склеил разошедшиеся было волокна волшебной мазью, и даже выпросил для её приготовления горького мёда у царицы Эрешкигаль, да свежего ароматного пива у госпожи Нинкаси, и вот, как видишь, ты жив и здоров, хоть и остался у тебя на груди отпечаток огненного копыта.

Поднялся Амар-Уту на ноги, поклонился Намтару, поблагодарил его и спросил, как так вышло, что живым и здоровым пребывает он в стране Иригаль, откуда никому нет возврата, отчего не мёртв он и не покрыт пепельными перьями, как положено душам усопших. Отвечал ему Намтар:

– Уж не думал ли ты, что из доброты и милосердия я врачевал твою рану? Судьбе неведомо ни то, ни другое, она щедра лишь на горести и печали. Разве мне служат светозарные керубы или добрые шеду? Вот ещё! Под началом у меня – шестьдесят демонов болезней и всяческих хворей, чумы и болотной лихорадки, под началом у меня семижды семь демонов утукку, алу, галлу, илу, рабицу, ламашту, лабацу, аххазу, лилу, лилиту и асакку, и ещё демоны Тиу и Этимму, что уводят души в преисподнюю, да одноглазая ведьма Лабарту, что перевора-

чивает людям внутренности и мешает женщинам разрешаться от бремени⁵. А разве со мной, распорядителем судеб, обошлась судьба благосклонно? Знай, Амар-Уту, что был я когда-то красив и прекрасен и жил с другими богами в стране Дильмун, что на востоке, где никогда не наступает ночь. И пировал я с ними за одним столом, и танцевал с ними на вершинах священных гор Машу, из-за которых каждое утро восходит солнце, которое тащит за собой могучий огненный бык. Из мягчайшего руна плёл я нити судеб, из золотой и серебряной шерсти овец, что пасутся на склонах священных гор, и раскрашивал их в прекрасные и яркие цвета, и вплетал в них драгоценные бусины из ляпис-лазури и сердолика, и были счастливы боги и смертные, и никому не было горя и печали. Но случилось так, что полюбил я Нанше, царицу, что жила в городе Иреме⁶, про которую говорили, что нет справедливее и праведнее её в целом свете и нет никого чище её. И вот явился я к Нанше и просил её принадлежать мне, но отвернулась гордая царица и сказала: «Разве не знаешь ты, дерзкий юноша, что мой муж, великий царь Шаддад, прикажет за такую измену побить меня до смерти глиняными табличками, на которых подробно напишут о моём преступлении, чтобы вина моя не стёрлась из памяти потомков? Разве не знаешь ты, что женщине, запятнавшей себя перед мужем, прижигают язык калёным железом и выбивают зубы об обожжённый кирпич?»⁷ Не пытайся же склонить меня к греху и поскорее уходи». Так повторяла Нанше, сколько я ни просил и ни уговаривал её. И тогда, рассердившись, пригрозил я порвать нить жизни её мужа, и спросил, будет ли она тогда моей, но Нанше и на этот раз оттолкнула меня. Вне себя от горя перепутал я свою пряжу, смешал и порвал множество разноцветных нитей и переломал многие веретёна. И в тот час, когда лежал я во прахе, измазав в грязи своё лицо, ибо оскорблён был смертной женщиной, явился передо мной Иркалла, властитель подземного мира, что простирается в бесконечности. Гневно было лицо его, в кулаки сжались его пальцы, так что ногти впивались в его ладони. И спрашивал меня Иркалла, как посмел я прервать столько жизней, так что многие души устремились в его владения и не дают ему покоя, и своими воплями и стенаниями досаждают ему. «Как смел ты, ничтожный, смешать и порвать нити жизней, как смел ты переломать веретёна, вверенные тебе небесным отцом, рогатым Ану? – говорил Иркалла. – Как смел ты нарушить мой покой, послав ко мне такое множество мертвецов? За это я накажу тебя, так что до окончания времён придётся тебе каяться в своём проступке». Так сказал Иркалла, и так случилось. Почернела моя кожа и стала чернее смолы, и ослепли мои глаза, и богатая одежда моя превратилась в лохмотья, и вложил властвующий над тенью в мои руки новые веретёна, но были они не из драгоценного кедра, но из чёрной бузины, и дал он мне новую шерсть для пряжи, но не была она выщипана со спин и боков серебряных и золотых овец, что пасутся на склонах священных гор, а была взята от тех овец, что пасутся на равнинах пустынной земли. И стал я из той шерсти прясть новые судьбы богам и смертным и наматывать нити на бузинные веретёна, но ужасны эти судьбы, как бы ни старался я и ни трудился, и редкие радости появляются в них лишь затем, чтобы ещё горше были следующие за ними горести. С тех пор остался я в жилище Иркаллы и служу ему, как последний из рабов, и молю его о прощении, но глух Иркалла к моим мольбам и равнодушен к моему раскаянию.

– Что ж, сожалею о тебе, – отвечал Амар-Уту. – Но ты так и не сказал мне, для чего сохранил жизнь в моём теле, отчего не покрыто оно перьями, подобно телу птицы?

– Только это и заботит тебя! Вам, смертным, нет никакого дела до чужих историй! Впрочем, ради твоей истории я и сохранил тебе твоё тело и твои уста, ибо души умерших безгласны, и всё, что они могут, это рыдать и стенать о своей горькой доле. Твоя же история весьма зани-

⁵ В буквальном переводе: «связывает женщинам колени».

⁶ Факт упоминания Ирема (Ирама) в тексте определённо не может быть принят как доказательство того, что Н. удалось найти мифический город.

⁷ Правила, на которые ссылается Нанше, очень похожи на законы из знаменитого свода законов царя Урукагины, жившего примерно в 2400 гг. до н. э.

мательна, и, быть может, она развлечёт моего сумрачного господина и развеет его уныние. Быть может, выслушав её, он снизойдёт до моих униженных просьб возвратить мне мой прежний облик и вернуть меня в мой прежний дом. Если же нет – что ж, я разорву нить твоей жизни, которую недавно сам скрепил и склеил и сберёг до поры, и сломаю веретено твоей судьбы, хотя так должен я сделать при любом исходе, ведь никому, кто пришёл сюда, нет обратной дороги – на то эта пустыня и зовётся землёй, откуда никому нет возврата.

Так сказал Намтар, подхватил Амара-Уту и понёс его через поля Иалу в жилище Иркаллы, в город, чьи стены так высоки, что упираются в своды каменного неба преисподней. Опустив Амара-Уту на землю перед железными воротами, сказал ему Намтар:

– В город мёртвых перенести я тебя не могу, а потому буду только безмолвно сопровождать тебя, пройти же через ворота ты должен сам, а не пройдёшь, – так тебе известно, что тогда случится.

Подивился Амар-Уту, глядя на железные ворота подземного города, которые охраняла чета чудовищ: наполовину людей, наполовину скорпионов.

– Эй, ты, явившийся к вратам дома Иркаллы, назови своё имя! – крикнул один из стражей. – За многие эш⁸ услышал я твой запах! Как смел ты прийти в обитель мёртвых незванным?

Амар-Уту поклонился стражам, с достоинством назвал своё имя и указал на Намтара, что привёл его.

– Вот оно как! – сказал второй страж. – А известно ли тебе, что вошедшему в эти ворота заказана обратная дорога? Знаешь ли ты, что придётся тебе остаться здесь до скончания времён, раз уж ты осмелился спуститься в пустынные земли? Известно ли тебе, что придётся тебе отныне делить с мёртвыми их трапезу, и вместо хлеба питаться глиной, а вместо вина утолять свою жажду помоями? Знал ли ты об этом, когда безрассудно отважился покинуть свой мир или любопытство оказалось в тебе сильнее страха, как часто случается это с вашим племенем?

И отвечал Амар-Уту стражам, что не по своей воле и вовсе не из праздного любопытства спустился он в пустынные земли, однако, раз уж так вышло, придётся ему остаться до скончания времён среди умерших и делить с ними их скорбную трапезу. Тогда сказали ему полулюди-полускорпионы, что должен он снять с себя одежду, ибо рождается человек нагим, а потому нагим должен являться перед повелителем мёртвых, и следует ему тщательно вымыться в водах реки, что текут из-под стен железного города, дабы удалить со своих волос ароматное масло, которым он умащал их, а ещё придётся ему оставить у ворот свои сандалии, потому как не только нагим, но и босым должно предстать перед Иркаллой, и ни в коем случае нельзя смеяться, кричать и шуметь, потому как именно этого больше всего не любит хозяин подземного мира.

Всё выполнил Амар-Уту, что сказали ему стражи, и поблагодарил их за дельные и своевременные советы, и тогда открылись перед ним железные ворота, и за ними были следующие ворота – из меди, и охраняла эти медные ворота пара громадных львов со змеиными хвостами, и гривы тех львов были сплошь из змей, сплетавшихся в клубки и косы, и шерсть их горела, подобно пламени.

– Так-так, назови-ка нам своё имя, ты, явившийся без приглашения к вратам дома Иркаллы! – зарычали на Амара-Уту львы. – Хоть и омылся ты в водах реки, что течёт из-под стен города мёртвых, а всё же за многие эш учуяли мы твой запах и видим, что незванным явился ты в преисподние земли!

Поклонился Амар-Уту львам и учтиво назвал своё имя, и указал на Намтара, что безмолвно сопровождал его.

– Вот оно как! – сказали в великом удивлении львы. – Похоже, стражи железных ворот дали тебе все надлежащие наставления и сделали тебя нагим и босым, однако не должен гость

⁸ Эш – мера длины, известная по дошедшим до нас шумерским документам. Один эш равен примерно 2,54 м.

приходить с пустыми руками. Мы дадим тебе волшебный медный кувшин – что назовёшь, тем он наполнится.

Они дали ему волшебный медный кувшин, и задумался Амар-Уту, чем бы его наполнить. Было ему хорошо известно, что нет среди богов никого богаче Иркаллы, что вдоволь у него серебра, золота, ляпис-лазури и всяких драгоценных камней, вот только нет в подземной стране вкусного молока, какого можно надоить у коз верхнего мира, и тогда сказал он – «молоко», и наполнился кувшин свежим козьим молоком. Тогда открылись перед Амаром-Уту медные ворота, и вошёл он в них, сопровождаемый Намтаром, и за медными воротами были третьи ворота – из серебра, и охраняла эти серебряные ворота пара людей с пёсыими головами.

– А ну-ка, явившийся без приглашения, назови своё имя! – пролаяли хором пёсеголовые люди. – Известно ли тебе, что хозяин наш Иркалла не любит, когда его беспокоят понапрасну?

Поклонился Амар-Уту стражам, назвал своё имя и показал медный кувшин с молоком, что нёс в руках.

– Ах, вот оно что! – воскликнул один из стражей. – Тогда мы пропустим тебя, только если ты отдашь нам это молоко, ведь мы стоим здесь с начала времён, и с той поры нас сильно измучила жажда!

Опечалился Амар-Уту, но делать было нечего, и безропотно отдал он кувшин стражам. Жадно принялись они лакать молоко, а когда выпили всё, разбили кувшин об землю и говорили Амару-Уту:

– Не печалься, путник, отдавший нам молоко, и не огорчайся потере. Взамен мы дадим тебе волшебную серебряную чашу – что назовёшь, тем она наполнится.

И дали они ему волшебную серебряную чашу, такую большую, что лишь двумя руками можно было держать её, и задумался Амар-Уту, чем бы её наполнить, и сказал он – «сыр», и наполнилась чаша белоснежным сыром. Тогда открылись перед Амаром-Уту серебряные ворота, и вошёл он в них вместе с Намтаром, и за серебряными воротами были четвёртые ворота – из золота, и охраняла эти ворота пара крылатых змей, одетых в золотую чешую, и каждая чешуйка их была подобна щиту воина.

– Ты, кем бы ты ни был, богом, царём или простым смертным, ты явился незванным, так назови своё имя! – прошипели змеи. – Разве не было тебе сказано, что хозяин наш Иркалла может наказать тебя карой худшей, чем смерть, если ты будешь ему неугоден?

Амар-Уту преклонил перед змеями колени и назвал своё имя, и показал им серебряную чашу с сыром, что нёс в руках.

– Вот оно как! – зашипели змеи. – Тогда мы пропустим тебя, только если ты отдашь нам этот сыр, ведь мы приставлены охранять эти ворота от начала времён, и с той поры нас порядком измучил голод!

Поник головой Амар-Уту, но делать было нечего, и отдал он чашу змеям. Жадно принялись они есть, а когда доели всё до последней крошки, разбили чашу об землю и говорили:

– Благодарим тебя, путник, давший нам пищу, и не плачь о своей утрате. Взамен мы дадим тебе золотой посох, покрытый прекрасным узором, украшенный сердоликом и топазами, но не только и не столько в красоте его ценность. Всякий, кто возьмёт этот посох, забудет об усталости, сколько бы ни пришлось ему идти, и всякий, кто обопрётся на него, не устанет стоять, даже если бы и пришлось его ногам выдержать без отдыха шестьсот столетий кряду.

И дали они ему волшебный золотой посох, и открыли перед ним золотые ворота, и прошёл в них Амар-Уту в сопровождении Намтара.

Долго на этот раз пришлось идти, идти через пустыню, подобную высохшему морскому дну, но не чувствовал усталости Амар-Уту, и не было ни малейших признаков утомления в его ногах, и легко поспевал он за Намтаром, помогая себе золотым посохом, вручённым ему стражами четвёртых ворот. Наконец дошли они до пятых ворот – из ляпис-лазури, и охранял те ворота двуликий страж: одно лицо его было юным, как у семилетнего отрока, другое же было

покрыто глубокими морщинами, как у семидесятисемилетнего старца, и одет он был в рвань и лохмотья, и ноги его были покрыты чёрными струпами. Поклонился Амар-Уту стражу и назвал своё имя, хоть страж и не задал ему привычного вопроса, но в ответ на его учтивый поклон и приветствие сказал:

– Знаешь ли ты, смертный, явившийся незванным, кто перед тобой? Я – двуликий Исимут, гонец и посол великого Эа, которого также называют Эа-Оаннесом или же на старинный манер – Энки, чей дом в гордом Эреду, откуда правит он водной бездной, изначальным океаном, окружающим мир.

Удивился Амар-Уту и спросил удручённого бога, как так вышло, что он, слуга мудрого Эа, чей дом в городе Эреду, оказался в печальной земле Иригаль.

– Расскажу тебе всё без прикрас и обмана, – отвечал двуликий Исимут. – Хотя попал я сюда по своей вине и мне есть что скрывать, всё же твоя учтивость располагает меня к откровенности. А всё дело в том, что шестьсот столетий назад хозяйка горемычной земли, царица Эрешкигаль, чья красота согрела бы сердца многих там, наверху, а здесь служит утешением лишь её мрачному супругу, который никогда не смеётся и не улыбается, задумала вырастить восемь целебных трав, что унимают боль в восьми органах тела: в мозге, сердце, лёгких, печени, желудке, почках, селезёнке, а также избавляют от болезней тун и ну. Многих трудов стоило царице вырастить эти травы, ведь земля здесь, как видишь, не очень пригодна для возделывания, а вернее сказать, совсем не пригодна; вся она – только глина, песок да пыль, и если бросить в неё зерно, она не примет его, и зерно сморщится и не даст всходов. Но Эрешкигаль заботилась и ухаживала за посаженными зёрнами, и в конце концов они дали всходы, и радовалась царица, и плясала от радости, распустив свои рыжие косы, так что дивились все демоны подземного мира. Однако на беду в то же время заболел мой господин, мудрый Эа: как в огне пылал его мозг, на части разрывалось его сердце, гнили его лёгкие, и печень его покрылась нарывами, и желудок отказывался переваривать пищу, и кололо в почках, и селезёнка переполнилась кровью, и поразили его болезни тун и ну. Узнал Эа о целебных травах, выращенных царицей Эрешкигаль в саду подземного мира, и приказал мне спуститься сюда, украсть эти травы и принести их ему, и так я и поступил: на нефритовом чёлне, что плывёт равно легко по течению и против него, спустился я в землю Кигаль, пробрался в сад Иркаллы и вырвал одну за другой целебные травы, которые с таким трудом и усердием растила Эрешкигаль, и незамеченным и не пойманным вернулся к своему господину. Мудрый Эа съел одну за другой волшебные травы, и угас огонь, терзавший его мозг, и успокоилось сердце, и лёгкие могли свободно дышать, и печень очистилась, и желудок стал переваривать пищу, и утихла резь в почках, и селезёнка освободилась от излишней крови, и отступили болезни тун и ну. И был я рад и счастлив, и было мне весело оттого, что удалось мне услужить моему господину и перехитрить жителей преисподней и ускользнуть от смарагдовых глаз их повелительницы, но недолгой была моя радость. Обнаружив пропажу, тотчас побежала Эрешкигаль жаловаться своему мужу, перед которым трепещут не только смертные, но и боги: говорят, когда однажды явился он в город Харран, местные боги так перепугались, что накрылись мешковиной и попрятались от него в пыли.

Когда Эрешкигаль, босая и растрёпанная, явилась перед ним, Иркалла читал свои таблички, на которых записана вся история мира и тех миров, что были прежде, и тех, что будут потом, и заносил имена умерших в свой список. Раздирая платье и до крови кусая от злости губы, принялась Эрешкигаль громко жаловаться, что её обокрали, что некто пробрался в её драгоценный сад и вырвал одну за другой целебные травы, которые она долго с упорством и нежной заботой растила. «Разве не защитишь ты меня, свою жену, всемогущий властитель бескрайних земель?! Разве интересны тебе лишь твои глиняные таблички, а до обиженной Эрешкигаль нет тебе никакого дела, и не хочешь ты отплатить гнусным ворами, унижившим её и оскорбившим?! Разве не отыщешь ты моего обидчика и не накажешь его?! Ай-ай, зачем я

покинула ради тебя верхний мир, для чего ты сделал меня своей женой, если не хочешь теперь даже взглянуть на меня?! Уж лучше бы ты отдал меня на съедение страшному чудовищу Шаг-гашту! Вижу и знаю, что ты совсем не любишь меня!» – так кричала Эрешкигаль. Её полные негодования вопли и плач достигли слуха Иркаллы, и взял он глиняные таблички, которые говорили о моём преступлении, и прочитал их, и послал за мной своих слуг-демонов, больших и малых галлу, которые и приволокли меня к этим воротам, и передали мне слова их господина.

«За то, что посмел ты нанести обиду жене моей Эрешкигаль, – говорил Иркалла их устами, – за то, что явился как вор в мои владения и похитил то, что тебе не принадлежало, быть тебе отныне и навеки моим рабом, ибо тот, кто явился однажды в землю Кигаль, не может вернуться обратно, а потому ты принадлежишь мне, и бывший твой хозяин Эа не посмеет перечить мне и не сможет вызволить тебя отсюда, если только не предложит вместо тебя самого себя. Я же приказываю тебе быть стражем пятых ворот моего города». Так оказался я стоящим у этих нефритовых ворот, хотя, если рассудить по совести, разве я так уж виноват? Что ты скажешь на это, незванный гость?

– Что ж, поистине достойная сожаления история, – отвечал Амар-Уту. – Ты прав: что толку в том, если бы царица Эрешкигаль сохранила свои травы – всем известно, что она отдала бы их людям, и они, считай, пропали бы зря, ведь нет смысла лечить человеку больное сердце или больную печень, – так и так жизнь человеческая коротка, и не так уж важно, когда именно она прервётся. Я сочувствую тебе, и признаю твою невиновность, и прошу пропустить меня через эти ворота.

– Я пропущу тебя через ворота, учтивый путник, – говорил ему двуликий Исимут. – Но за это ты отдашь мне чудесный золотой посох, потому что я изрядно устал, стоя здесь вот уже шестьсот столетий кряду.

Со вздохом отдал Амар-Уту стражу свой посох, который немало помог ему в пути через пустыню, и Исимут опёрся на посох и вздохнул с облегчением, потому как тотчас утихла боль в его усталых ногах.

– Не огорчайся, Амар-Уту, что я забрал у тебя посох – он уже сослужил тебе службу, а теперь послужит мне, – сказал Исимут. – Взамен же я дам тебе мой заговоренный нефритовый чёлн, что лёгок как перо и плывёт как вниз, так и вверх по реке с одинаковой быстротой.

Отдал Исимут Амару-Уту свой заговоренный чёлн – такой лёгкий, что и ребёнок мог бы нести его одной рукой, и открыл ворота из ляпис-лазури, и вошёл Амар-Уту в те ворота, и Намтар следовал за ним.

И увидел Амар-Уту, что за пятыми воротами города Иркаллы раскинулось бескрайнее гнилое болото, бездонная чёрная топь, но не испугался он и опустил на воду нефритовый чёлн, и вместе с Намтаром сел в тот чёлн и без труда переплыл болото, и оказался перед шестыми воротами – из алебаstra, и охраняла те ворота женщина, облачённая в скромное белое платье, закрывавшее её от шеи до ступней. Лицо её распространяло сияние, а чёрные косы касались земли, и в левой руке держала она табличку из мягкой глины, а в правой – остро заточенную тростниковую палочку.

Склонился Амар-Уту перед женщиной, поцеловал кончики своих пальцев и прикоснулся ими сначала к области сердца, а затем ко лбу, чтобы выказать свою почтительность, назвал своё имя и спрашивал её:

– Кто ты и почему поставлена здесь? Твоё лицо – не лицо смертной, твои руки – не руки смертной, и всё говорит о твоём божественном происхождении.

– Ты прав, гость, явившийся незванным, – отвечала красавица. – Имя моё – Нидаба, я дочь хозяина воздуха Энлиля и его жены Нинлиль, и вверены мне счёт и письмо, и всякий, кто посвятит свою жизнь этим искусствам, находится под моим покровительством. Не по своей вине и не по своей воле оказалась я здесь, в сумрачном царстве теней, но по вине моего родного брата и по воле того из богов, кому никто не возносит молитвы. Слушай меня, расскажу тебе

всё без утайки, не солгу ни единым словом. Так случилось, что брат мой Ишкур, властитель бурь и песчаных смерчей, расшумелся однажды сверх меры. Он наслал на мир семь покорных ему ветров, и многие города вскоре лежали в руинах, и смертные в отчаянье возносили небу молитвы, а Ишкур всё не унимался: он кричал, бил в барабан и страшно бранился, так что не было сил его слышать, и на все уговоры отвечал только смехом, бросая в отца своего Энлиля камнями и песком засыпая священные каналы Энки. Наконец его непристойные крики достигли нижнего мира, так что потрескалось каменное небо преисподней, а души умерших в страхе метались, не зная, где им укрыться. Рассердился хозяин бескрайних земель и предстал перед Ишкуром, и приказал ему умолкнуть, прекратить бить в барабан и браниться, и накинуть узду на злые ветры, усмирить песчаные смерчи. Но Ишкур в ответ рассмеялся и выкрикнул бранное слово. Этого не стерпел Иркалла: один только раз он ударил буяна, и тот притих и унялся, второй раз ударил – упал Ишкур перед ним на колени. Тогда сказал ему повелитель подземного мира: «За то, что нет от тебя покоя ни живым, ни мёртвым, за то, что посмел ты сказать мне бранное слово, будешь отныне стражем шестых ворот города мёртвых». С этими словами схватил Иркалла моего беспутного брата за волосы и увёл в преисподнюю, и поставил у шестых ворот своего города. Горько заплакал тогда Ишкур, упал на колени и принялся посылать голову землём и пеплом, и звать на помощь своих сестёр и братьев, но никто не хотел его слышать, никто не откликнулся, и даже добрый Энлиль отвернулся, чтобы не слышать стенаний своего несчастного сына. День и ночь напролёт кричал Ишкур из преисподней, жаловался и каялся, и наконец его мольбы тронули моё сердце, и спустилась я в нижний мир, чтобы говорить с Иркаллой и просить его за глупого брата. Сдвинул брови, нахмурился Иркалла, меня увидев, и говорил так: «Что ж, ты просишь меня отпустить глупца и буяна, и это мне ясно. Но известны ли тебе законы подземного мира? Знаешь ли ты, что, однажды сюда спустившись, никто не вернётся обратно, пока другой не займёт его место? Готова ли ты остаться у меня вместо брата, Нидаба?» Я сказала, что готова встать на место проказника-брата, и тогда ещё сильнее помрачнело лицо Иркаллы, и он говорил мне: «Раз твоё сострадание так велико, я исполню твою просьбу, вот только мне она не по нраву. Пусть Ишкур отправляется в свой дом и не вздумает больше тревожить меня и отвлекать от моих занятий, ты же займёшь его место у шестых ворот города мёртвых, но не печалься, потому как не до скончания времён придётся тебе быть их стражем. Ты дождёшься того, кто отдаст тебе нефритовый чёлн, который вынесет тебя против течения чёрной реки в мир, освещённый солнцем, и на этот срок твоей службы завершится. Таково моё последнее слово». Так повелел Иркалла, и с тех пор я стою у алебастровых ворот и жду того, кто принесёт мне нефритовый чёлн.

– Но ведь известно мне, – воскликнула Нидаба, и слёзы покатались из её лучезарных глаз, – что нефритовый чёлн есть лишь у одного из богов – у Исимута, гонца и посланника мудрого Энки, и никогда Исимут не решится спуститься сюда и отдать мне свой чудесный чёлн, свою лёгкую ладью, а потому до скончания времён придётся мне служить повелителю теней и властителю мёртвых!

– Не печалься, госпожа Нидаба! – отвечал Амар-Уту. – Так вышло, что Исимут отдал мне свой нефритовый чёлн, что легче пера ночной птицы, а я с радостью подарю его тебе, если ты взамен откроешь мне шестые ворота!

Засмеялась Нидаба, мигом высохли её слёзы.

– Так вот, значит, как! Тебя-то, значит, я и ждала, незванный гость из верхнего мира! Благодаря тебе окончены мои злоключения! В награду открою тебе тайну, а ты хорошенько запомни: дважды четыре и три, в сумме – одиннадцать, на письме же – всего два.

Заставила Нидаба Амара-Уту повторить сказанное ею несколько раз, пока не удостоверилась, что он всё хорошенько запомнил, взяла у него нефритовый чёлн двуликого Исимута и открыла перед ним алебастровые ворота. Поблагодарил Амар-Уту царицу и вошёл в ворота, а за ним следовал Намтар, его спутник и соглядатай. Вскоре увидел Амар-Уту седьмые ворота

города мёртвых – из чёрного оникса, и охраняла те ворота пара чудовищ Шеду, один коготь которых выше человеческого роста. У обоих Шеду – женские лица, так что нельзя угадать, кто брат из них, кто – сестра, кто – супруг, кто – супруга, и растут на их лицах бороды во множестве завитков, что спускаются до самой земли, из лбов же торчат у обоих кривые бычьи рога. У каждого Шеду левая грудь – женская, а правая – мужская, тела и лапы у них львиные, а на спинах вздымаются покрытые чёрными перьями крылья. Не из плоти и крови – из камня высечены обе фигуры: из гранита – тела, из драгоценного опала – лица, рубинами выложены крепко сомкнутые губы, из оникса выточены недвижные глаза.

– Вот так стражи! – подивился Амар-Уту. – И как говорить с ними? Может быть, они только для украшения поставлены здесь, для острастки тех, кто явился незваным?

Сказал так Амар-Уту и ударил в каменные створы ворот, но не дрогнули ворота. Тогда ударил по ним Амар-Уту во второй раз, но и теперь не поддались ворота, только пыль осыпалась с тяжёлых засовов. Замахнулся Амар-Уту, чтобы в третий раз изо всей силы ударить по воротам, но тут один из Шеду повернул к нему голову, поглядел на него и сказал:

– Напрасно стараешься, незваный гость, ибо мы поставлены возле этих ворот в незапамятные времена, и лишь мы можем открывать и закрывать их. Потому не трать понапрасну силы и отойди подобру-поздорову, или мне придётся поднять свою лапу, освободить её из песка и оторвать от земли, чтобы опустить на тебя, так что дыхание твоё мигом прервётся, и станешь ты бледным трупом, кем и надлежит тебе быть, раз уж ты сюда явился.

Амар-Уту поклонился чудовищу, назвал своё имя и повёл так свою речь:

– Простите меня, вековые стражи, если я нечаянно потревожил ваше спокойствие и нарушил степенный ход ваших мыслей, я вовсе не имел этого в виду, однако со стражами всех предыдущих ворот мне удалось договориться, а потому я надеюсь, что и вы не станете чинить мне препятствий.

Засмеялись в ответ Шеду, так что эхо их хохота раскатилось по всей преисподней.

– Ну и горазд же ты болтать, сын пастуха и внук пастуха, ну и хорошо же подвешен твой язык! Знай же, что однажды – в незапамятные времена, говорим мы, случилось это, но твой жалкий ум едва ли постигает, о какой немыслимой древности мы ведём свою речь, – так вот, в незапамятные времена устроили боги весёлый пир и напились на том пиру допьяна, потому как именно тогда сварила госпожа Нинкаси особенно ароматное и хмельное пиво. Опьянев от чудесного напитка, начали боги придумывать себе разные развлечения: сначала принялись соревноваться в пении, но, поскольку языки их заплетались, они оставили это занятие и хотели было станцевать, но и с танцами у них не заладилось, потому как ноги их не держали. И тогда придумали боги сообща вырезать что-нибудь из камня себе на потеху, какое-нибудь невиданное создание, которому все они могли бы затем подивиться, и весело принялись они за работу, не зная, что должно у них в конечном итоге выйти. Энлиль вырубил из твёрдого гранита наши тела, жена его Нинлиль вырезала из драгоценного опала наши лица, рубинами украсил наши губы Син. Закончив работу, отошли боги в сторону, но к тому времени они уже немного протрезвели и оттого ужаснулись созданным чудовищам, потому как не были эти чудовища похожи ни на одно из небесных или земных созданий, но походили на всех вместе взятых, и эта-то схожесть со всеми и потому – несхожесть ни с кем и была уродством в глазах богов, потому как рога, венчающие наши лбы, были бы хороши на лбу быка, но никак не на лбу прекрасной девы, а ты уже мог заметить, что у нас женские лица, – лица, обрамлённые мягкими женскими кудрями, но в то же время снабжённые жёсткими мужскими бородами! И не понятно, кто из нас кто – у каждого есть по одной женской и по одной мужской груди, но, если мы поднимемся из песка, ты увидишь, что боги забыли снабдить нас как женской, так и мужской статью, а потому мы вовсе не двуполы, что можно было бы назвать божественным совершенством, но девственны и бесплодны, а это весьма далеко от совершенства и является как раз его противоположностью. Это и тебе, сыну пастуха и внуку пастуха, а потому безграмотному тупице и

грубияну, должно быть понятно! Так глядели на нас боги, застыв в изумлённом отвращении, пока не подала голос дева Инанна, и так повела она свою речь: «Братья и сёстры, для чего вы сотворили этих чудищ, которые не похожи ни на одну из небесных или земных тварей, но походят на всех них вместе взятых?! Только спьяну и ради потехи можно было вытесать их из камня, только сдуру можно было приделать к львиному тулову орлиные крылья и увенчать женский лоб бычьими рогами! Кому их ни покажи, все будут смеяться и потешаться! Оставим ли мы их здесь среди нас, в нашей райской стране, – они превратят её в болото и пустыню, распространяя вокруг себя одну только мерзость! Отошлём ли мы их в мир смертных, чтобы люди над нами смеялись и потешались, и спрашивали друг у друга, до чего это додумались премудрые боги, что за дрянь они сделали своими руками! Так давайте же объединим наши силы, возьмём этих чудищ, размахнёмся все вместе и швырнём их подальше, чтобы больше не видеть!» Так говорила Инанна, и все с ней согласились, и схватили нас боги, размахнулись все вместе и швырнули одного за другим, чтобы нас больше не видеть. Их совместных усилий хватило на то, чтобы забросить нас в самый центр бесплодной пустыни, где нас, зарытых в горячий песок, нашёл властелин царства мёртвых, когда бродил там в раздумьях, погружённый в свои невесёлые мысли. Он любит иногда погулять по пустыне, по склонам высоких гор или по берегу моря – иными словами, там, где безлюдно и куда не придут его братья и сёстры, ведь на земле они любят лишь свои города и храмы, где отдыхают от веселья и принимают щедрые жертвы. Так вот, Иркалла, погружённый в раздумья, запнулся о торчащий из песка каменный рог и сильно ушиб свою ногу, что, конечно, заставило его остановиться и обратить внимание на то, что так некстати нарушило ход его мыслей. И тогда повелел он пескам расступиться, и взглянул на нас, а затем, подняв в удивлении брови, говорил так: «Что за диковинные звери? Несомненно, их создали мои братья и сёстры – едва ли смертные могли добиться такого совершенства линий и такой тонкой отделки материала, однако вряд ли боги сотворили их, именно их и имея в виду, приступая к работе. Пожалуй, они вытесали этих тварей из камня, побуждаемые каким-то безумьем, а затем, придя в себя, зашвырнули их куда подальше, чтобы больше не видеть. Ну что ж, у иных ума так мало, что они оказываются гораздо разумней, когда вовсе его теряют, потому как рассудительность их на деле оборачивается только слепотой и глупостью. Вижу, что они позабыли снабдить этих существ глазами, но это и к лучшему, ведь я могу сделать для них глаза гораздо более подходящие, чем кто-либо из этих олухов и пьяниц». Так сказал Иркалла и дал нам глаза из чёрного оникса, и глаза эти видят с лёгкостью на свету и во тьме, и проникают насквозь души, и знают прошлое, настоящее и будущее. Дав же нам эти глаза, Иркалла говорил так: «Теперь у вас есть глаза, которыми вы можете видеть, но мои глупые братья и сёстры никак вас не называли, а это уж совсем никуда не годится, ведь у всякого должно быть его имя, а потому я нарекаю вас Шеду, что значит – *охраняющие*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.